РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

АЛГЕБРА РОДСТВА

◆

РОДСТВО
СИСТЕМЫ РОДСТВА
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

◆

Выпуск 9

Санкт-Петербург
2005

П. О. Рыкин

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА *AQA* В СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства)

Помещенная в настоящем сборнике статья А.В.Дыбо и С.В.Кулланды «Ностратическая терминология родства и свойства» [Наст. изд., с. 5–31] демонстрирует существенное расхождение во взглядах авторов по вопросу о первоначальной семантике ностратических лексем, рефлексы которых в языках-потомках выступали в значении терминов родства. Если А.В.Дыбо считает этимологически исходными генеалогические, «кровнородственные» значения [Наст. изд., с. 11], то с точки зрения С.В.Кулланды для ряда лексем таковыми являлись разного рода возрастные и потестарные значения [Наст. изд., с. 8–10, 14, 17–19]. Не являясь ни ностратологом, ни вообще компаративистом, автор этих строк попытался спроецировать данную дискуссию на материал монгольских языков и рассмотреть проблему, так сказать, на микроуровне, взяв за основу семантику лексемы *aqa* в среднемонгольском языке (далее ср.-мо.)[1].

В литературе о средневековых монголах *aqa* интерпретируется по преимуществу как термин родства со значением ‘старший брат’. Такая трактовка весьма обычна как для лингвистических, так и для этнографических работ (см., например: [Bacon, 1958, p. 63, tabl. 8; TMEN I, № 22; Калужиньски, 1972, с. 219; Etymological Dictionary, 2003/1, p. 281]). Однако, по нашему мнению, она не полностью отражает семантику *aqa* в ср.-мо., которая привлекла наш интерес и составила предмет данной статьи. Мы поставили целью точнее определить эту семантику, опираясь на дистрибутивный метод анализа, который позволяет диагностировать значение слова исходя из совокупности его употреблений в языковых текстах. В качестве материала для анализа была использована знаменитая «Тайная история монголов» (далее ТИМ)[2], а также другие тексты, отражающие ср.-мо. период в истории монгольского языка, бóльшая часть которых издана Л.Лигети в серии «Monumenta linguae mongolicae collecta». Кроме того, в ряде случаев мы обращались к средневековым монгольско-иноязычным и иноязычно-монгольским словарям (например, «Хуаи июй», «Мукаддимат ал-Адаб», словарь Ибн Муханны), хорошо известным как ценные источники по данному периоду.

Значение термина родства лексема *aqa* имеет в наиболее обширной категории употреблений, как референтивных, так и вокативных. Зачастую в этих употреблениях *aqa* сочетается с термином *de'ü* (традиционная интерпретация – ‘младший брат’), который образует с ним семантическую оппозицию по признаку относительного возраста альтера. В ряде контекстов словоформы обеих лексем снабжены аффиксами мн. ч.: *aqa-nar de'ü-ner* (см., например [ТИМ, §§ 23, 36, 37, 39 и пр.]). Однако как термин родства слово *aqa* могло относиться далеко не только к старшему мужскому сиблингу эго. Оно могло использоваться для обозначения старшего родственника мужа женщины, как в следующем примере:

(1) *ene eke bidan-u aqa de'ü üye qaya gü'ün ügei ere üge<i>'üi bö'etele ede qurban kö'üt töre'ülbi* [ТИМ, § 18] ‘Эта наша мать родила этих троих сыновей, не имея ни мужа, ни старших и младших родственников мужа – линейных (*aqa de'ü*)[3] или коллатеральных (*üye qaya*)’.

Кроме того, сфера референции *aqa* включала в себя также коллатеральных родственников (патрилатеральных параллельных кузенов любых степеней[4]); при этом *aqa* выступало как синоним упомянутого в примере (1) термина *üye qaya*, практически не употреблявшегося в ср.-мо. Так, в [ТИМ, § 274] *aqa* назван Батухан по отношению к своему младшему двоюродному брату Гүйүку; в § 46 именная группа *aqa de'ü* используется для обозначения двоюродных братьев (старших и младших) эго. Об употреблении *aqa* применительно к более далеким коллатеральным родственникам можно судить по примеру:

(2) *jamuqa-yin tere üge-tür ubciqtai gürin-ba'atur ügülerün jusuritai yekin teyin sili'un aqa de'ü-yü'en ulkin jingkün ügüleyü ke'eba* [ТИМ, § 160] ‘На эти слова Джамуки убчикский Гүринба’атур сказал: «Зачем [ты], льстя, клевещешь и оговариваешь своих благородных *aqa de'ü*?»’,

где под *aqa de'ü* имеются в виду Чингисхан и его братья, которые, если исходить из генеалогических данных ТИМ, приходи-

лись Джамуке патрилатеральными параллельными кузенами 9 степени. Таким образом, величина генеалогической дистанции, отделявшей эго и альтера от связующего родственника, для семантики *aqa* была нерелевантной.

Кроме родственников из поколения эго, референтом *aqa* могли выступать и представители первого восходящего поколения. В письме Абу Са'ид Бахадур-хана (1320 г.) обсуждаемое слово употребляется в значении 'дядя (младший брат отца)' [FrTeh 2, e 3] (подробнее см. [Cleaves, 1963, p. 64–65]). Как и внутри поколения эго, различение боковых линий здесь также не имело места: несколько раз *aqa de'ü* по отношению к Чингисхану названы тайчиуты во главе с Таркутай-Кирилтуком, который приходился будущему завоевателю мира пятиюродным дядей по отцу [ТИМ, §§ 76, 82, 94, 219]. В ТИМ имеется один интересный контекст, где *aqa* осуществляет референцию одновременно к представителям двух поколений (0 и +1):

(3) *belgütei ügülerün... minu tula aqa de'ü-tür mawuqalin bolulca'ujai* [ТИМ, § 131] 'Бэлгүтэй (брат Чингисхана. – П.Р.) сказал: «...Как бы из-за меня *aqa* не стали обижаться на *de'ü*»'.

В данном примере слово *aqa* обозначает джүркинов Сэчэ-бэки и Тайчу, старших троюродных братьев Бэлгүтэя, а также его двоюродного дядю Бүри-Бökö, который выступал заодно с джүркинами[5].

Из сказанного следует, что семантика лексемы *aqa* в функции термина родства отражала свойственный многим народам урало-алтайского языкового ареала скользящий счет поколений, при котором в одну категорию родства объединяются представители двух смежных поколений: старшие члены одного с младшими членами другого (см. [Бикбулатов, 1981, с. 63–70; Бикбулатов, 1983]). Признаками, на основе которых формировалась категория *aqa*, служили, во-первых, пол альтера (значение 'мужской'), во-вторых, латеральность (значение 'патрилатеральный'), а в-третьих, относительный возраст альтера. Критериями для определения последнего являлись возраст эго и отца эго, т.е. эго называл *aqa* всех мужских патрилатеральных родственников старше него самого, но младше его отца. Соответственно, старший брат (старший мужской сиблинг эго) был лишь одним из целого класса родственников, составлявших экстенсионал рассматриваемого слова. Следует добавить, что антонимичным к *aqa* термином *de'ü* обозначались мужские патрилатеральные родственники младше

эго, но старше детей эго; своего рода семантическая взаимодополнительность *aqa* и *de'ü* объясняет то, что как в ср.-мо., так и в живых монгольских языках оба слова часто употребляются в паре друг с другом.

Резюмируя предшествующее изложение, семантику термина родства, которой обладала лексема *aqa*, можно представить в виде двух отдельных значений: 1) 'мужской патрилатеральный родственник старше эго, но младше отца эго'; 2) 'старший мужской патрилатеральный родственник супруга эго (эго – женщина)'. Второе значение явно образовано по аналогии с первым путем применения в сфере свойства и брака тех же структурных принципов, которые организовывали отношения между кровными родственниками. Аналогия была бы более полной, если бы в значении 2 определялась верхняя возрастная граница категории *aqa*, однако мы не можем с точностью решить этот вопрос в силу отсутствия диагностирующих контекстов. Структурная близость двух значений дает основание сгруппировать их в один лексико-семантический вариант (ЛСВ), который мы назовем *aqa 1*.

Помимо семантики термина родства, слово *aqa* обладало целым рядом других значений, которые распадаются на две категории. К первой из них относятся следующие значения:

1') уважительная форма обращения (см., например [ТИМ, § 56], где жена обращается к мужу *aqa minu ciledü* 'Мой *aqa* Чилэдү');

2') титул (см., например, ТИМ: *yisügei aqa* [§ 69], *ba'arin aqa* [§ 216], *ca'adai-aqa* [§§ 269, 270, 271, 276 и пр.], а также многочисленные примеры из персидских и китайских источников в работах [TMEN I, № 22; Cleaves, 1963]);

3') 'господин', 'вельможа' [ИММ 122; ИМП 432];

4') 'старейшина' (*hirgenü aqa* 'старейшина народа' [MA 185]);

5') 'начальник' (см., например: *aq-a ǰaq-a*[6] *minu alaydaba* [Bur IX 56b] 'Мой начальник был убит');

6') 'военный командир' (см., например: *tede ceri'üd-ün aqa-nar inu* [ТИМ, § 101] 'командиры тех солдат');

7') 'побратим' (см., например: *öber-ečegen erdem-tü sayid-luγ-a aqa degü barilγu* [Hin 28] 'Становитесь (букв. 'держите друг друга') побратимами с теми, кто лучше и достойнее вас самих'[7]).

Мы полагаем, что в основе данной категории лежит семантический инвариант 'старший по социальному положению', который в той или иной форме реализуется во всех перечисленных

значениях. По существу, слово *aqa* здесь соотносится с различными типами потестарных отношений и подразумевает статусное неравенство между эго и альтером. Этот вывод особенно очевиден для значений 3'–6', которые едва ли требуют специального комментария. Распространяется он и на вокативные употребления *aqa* (значение 1'), которые имели место исключительно при обращении к лицу более высокого социального положения (например, жены к мужу). То же самое относится к употреблению слова *aqa* в качестве титула (значение 2'), поскольку носителем последнего являлся старший член десцентной группы, как правило, выполнявший важные потестарные функции (например, Йисӱгэй в [ТИМ, § 69], Ба'аридай в [ТИМ, § 216], Ча'адай в [ТИМ, §§ 269–281])[8]. Казалось бы, особняком здесь стоит значение 7' ('побратим'), но и оно вполне объяснимо в рамках предложенной семантической модели. Дело в том, что монголы различали два типа побратимства: один (обозначался термином *anda*) объединял партнеров одинакового социального статуса, другой (*aqa de'ü*) предполагал различия в их статусных позициях[9]. Более могущественный, влиятельный и уважаемый побратим назывался *aqa*, а его «социально младший» партнер по отношению - *de'ü*, причем между обоими могла существовать довольно значительная статусная дистанция, как это видно из примера:

(5) *cimayi de'ü ke'egü yosun borqai-yin minu bosoqa-yin bo'ol elincüg-ün minu e'üden-ü emcü bo'ol* [ТИМ, § 180] 'Причина, по которой [я] называю тебя *de'ü*, [состоит в том, что твои предки были] рабами порога моего прапрадеда, личными рабами дверей моего прадеда'[10]. (Обращение Чингисхана к То'орилу.)

Таким образом, между употреблениями лексемы *aqa* в значениях 1'–7' обнаруживается глубинное семантическое тождество, которое позволяет постулировать для них общий ЛСВ *aqa 2*. Именно этот ЛСВ дал в ср.-мо. производный глагол *aqala* = 'руководить', 'начальствовать', 'управлять', неоднократно засвидетельствованный в письменных памятниках (см., например [ТИМ, §§ 125, 225, 270, 278; Hin, 40; HY B, 12a]; ср. также [Pelliot, Hambis, 1951, p. 68])[11].

В отличие от первой, вторая категория значений, в которых слово *aqa* выступает не как термин родства, представлена лишь одним членом. Он полностью совпадает с семантическим инвариантом 'старший по возрасту', реализацией которого является данная категория. Употребление ключевого слова в значении

'старший по возрасту' можно проиллюстрировать на следующих примерах:

(7) *qabul-qan-u dolo'an kö'üd-ün aqa ökin-barqaq büle'e uda'adu bartan-ba'atur büle'e* [ТИМ, § 140] 'Старшим из семи сыновей Кабул-хана был Ökин-Баркак. Следующим был Бартан-ба'атур';

(8) *kö'üd-ün minu aqa joci bui-je* [ТИМ, § 210] 'Старший из моих сыновей – Джочи';

(9) *kö'üd-ün aqa* [ТИМ, § 270] 'старшие из царевичей';

(10) *onqačačīn aya* [МА, 266] 'старший из лодочников'.

В этом значении *aqa* могло сочетаться с диминутивным аффиксом {qan}[2]; например:

(11) *bi ede bükün kö'üd-ün aqaqan boluqsan* [ТИМ, § 275] 'Я был немного старше всех этих царевичей'.

Поскольку примеры типа (7–11) не подпадают ни под категорию *aqa 1*, ни под категорию *aqa 2*, мы считаем возможным объединить их в особый ЛСВ, для которого вводим название *aqa 3*.

Теперь имеет смысл попытаться установить, как выделенные нами категории значений лексемы *aqa* соотносятся между собой. В когнитивной лингвистике (впрочем, и в ряде других направлений структурной семантики) в качестве центрального рассматривается то значение лексической единицы, которое является наиболее простым и конкретным и одновременно наименее зависимым от контекста. При этом «более периферийные значения часто являются более поздними, нежели центральные, и формируются на их основе» [Ченки, 2002, с. 350]. С этой точки зрения центральным значением лексемы *aqa* следует признать значение *aqa 3*, которое передавало идею старшинства по возрасту. Его целесообразно считать более простым хотя бы по той причине, что остальные две группы значений (*aqa 1* и *aqa 2*) образованы путем его различных семантических преобразований. Так, ЛСВ *aqa 1* поддается интерпретации как результат метонимически обусловленного соотнесения базового значения *aqa 3* со сферой родства (*aqa 1 'родственник* старше эго...'). В контекстах реализации данного ЛСВ часть («старшие мужские родственники») употребляется вместо целого («все мужчины старше эго»), т.е. более узкая категория замещает более широкую, что является ключевой характеристикой метонимической модели (см. [Lakoff, Johnson, 1980, ch. 8; Лакофф, 2004, гл. 5]). Напротив, группу значений, объединенных нами в ЛСВ *aqa 2*, допустимо объяснить с помощью метафорического расширения базового, центрального зна-

чения (*aqa 2* ≈ 'мужчина, к которому эго относится так, *как если бы* он был старшим по возрасту'). Метафору мы понимаем в том смысле, в каком это понятие используется в когнитивной лингвистике, т.е. как способ концептуализации одной сферы опыта через призму другой. Сфера опыта, откуда извлекается метафора, называется областью-источником (source), а сфера, в которую она проецируется, – областью-мишенью (target). По сравнению с областью-мишенью, область-источник обычно интуитивно понятнее и конкретнее; она дана через непосредственный физический опыт, известна более детально и легче доступна для понимания [Ченки, 2002, с. 351–355]. В случае с семантикой *aqa* областью-источником выступал возраст человека, а областью-мишенью – сфера социальных отношений, которая осмыслялась посредством возрастных категорий.

Будучи наиболее простым и конкретным, ЛСВ *aqa 3* обладал и наименьшей степенью контекстуальной обусловленности[12]. В большинстве употреблений лексемы *aqa*, в том числе тех, которые отчетливо подпадают под категорию *aqa 1* или *aqa 2*, ее словоформы содержат более или менее эксплицитную отсылку к значению 'старший по возрасту' и могут быть без ущерба для понимания истолкованы в смысле *aqa 3*. В то же время для идентификации двух других ЛСВ данной лексемы необходимо хотя бы минимальное уточняющее знание общего контекста, без которого в ряде случаев трудно склониться к тому или иному варианту. В этом отношении *aqa 3* также нужно расценивать как структурно базовый, или прототипический ЛСВ по сравнению с *aqa 1* и *aqa 2*.

Ввиду изоморфности синхронного и диахронного анализа семантики, которая постулируется в когнитивной лингвистике, мы вправе использовать семантическую деривацию лексемы *aqa* в ср.-мо. как модель для реконструкции исторического развития ее значений. При таком подходе ЛСВ *aqa 3* принадлежит не только структурный, но и хронологический приоритет над двумя другими группами значений ключевого слова. Учитывая это обстоятельство, можно обратиться к традиционной для этнологии проблеме социологической интерпретации социальной лексики, связанной с поисками такого типа общества, в рамках которого семантика социальных терминов получает максимально адекватное осмысление. Мы попытаемся предложить решение данной проблемы применительно к семантике *aqa*, но прежде хотелось бы оговориться, что наши выводы не следует воспринимать иначе,

как предварительную гипотезу, которая требует дополнительной верификации историко-этнографическими данными.

Семантический анализ лексемы *aqa* склоняет нас к предположению о том, что первоначально (возможно, в протомонгольском[13]) она соотносилась с социальной организацией, в основе которой лежала система возрастных институтов. Полная реконструкция этой системы не входит в наши задачи, поскольку она осуществима только после того, как будет произведено семантическое исследование всей среднемонгольской лексики, охватывавшей сферу родства. Здесь достаточно отметить, что с нашей точки зрения *aqa* некогда являлось названием группы мужчин зрелого возраста, которые выполняли функции потестарного руководства обществом. В то же время термин *de'ü*, по-видимому, обозначал группировку молодых мужчин, не участвовавших в управлении обществом, но являвшихся его полноправными членами и формировавших воинское сословие (ср. противопоставление *aqa-nar* 'командиров' *de'ü-ner* 'солдатам' в [ТИМ, § 101]). Есть основания полагать, что обе возрастные группы также взаимно различались как «женатые» и «неженатые»; такой вывод можно сделать из того факта, что в ср.-мо. жены родственников категории *aqa* обозначались особым термином *berigen*, тогда как специального названия для жены *de'ü* не существовало. В дальнейшем, с утратой возрастным критерием своей структурообразующей роли (это произошло, скорее всего, на древнемонгольской стадии) возрастные институты сменились объединениями, основанными на принципе индивидуального генеалогического родства. На одну из таких группировок (категорий) родственников, куда входили мужчины, которые занимали по отношению к эго позицию «ближайших старших», и было перенесено наименование *aqa*. Так возник ЛСВ *aqa 1*. Однако при этом ключевое слово не лишилось своих исконных возрастных и потестарных коннотаций: первые сохранились в ЛСВ *aqa 3*, наиболее близком к первоначальному значению, а последние нашли отражение в группе значений, объединенных нами в ЛСВ *aqa 2*.

Нам представляется, что изложенная здесь объяснительная схема позволяет охарактеризовать ранний этап семантического развития понятия *aqa* в монгольских языках и ставит вопрос об определении древнейшего типа социальной организации монголов. Данная схема, какой бы предварительной она ни была, вполне согласуется с концепцией С.В.Кулланды относительно пер-

вичной семантикиностратической социальной лексики и, наоборот, не подтверждает мнение А.В.Дыбо. Существенно, что результаты, сходные с выводами С.В.Кулланды, были получены нами с помощью принципиально иного типа методов и исходя из иной исследовательской парадигмы, что свидетельствует в пользу неслучайности совпадения. Интенсификация исследований по семантике социальных терминов в языках различных семей с использованием методов лингвистического и историко-этнографического анализа даст немало ценных материалов для углубления и уточнения существующих социологических реконструкций; надеюсь, что свой скромный вклад в реализацию этой глобальной цели внесет и настоящая работа.

[1] Вопрос о периодизации истории развития монгольского языка и, в частности, о границах среднемонгольского периода не имеет общепринятого решения (см.: [Орловская, 1986]). Самая известная периодизация принадлежит Б.Я.Владимирцову, который различал три хронологических периода: древний (от неизвестного времени до начала XIV в.), средний (от начала XIV в. до второй половины XVI в.) и новый (от конца XVI в. до XX в.) [Владимирцов, 1989, с. 19–25, 33]. Согласно этой периодизации, эпоха, которой датируются используемые нами источники, совпадает с концом древнего и началом среднего периода. Несколько иного мнения придерживался Н.Н.Поппе: он полностью включал данную эпоху в рамки среднемонгольского периода, продолжавшегося, с его точки зрения, от начала XIII до конца XVI в. [Poppe, 1955, p. 15–16; Poppe, 1974, § 3]. Промежуточную позицию занимал А.Лувсандэндэв, подразделявший средний период (начало XIII–середина XVII в.) на два этапа, границей между которыми он считал начало XIV в. [Лувсандэндэв, 1972]. Близкие к этому взгляды мы находим у Л.Лигети, в работах которого среднемонгольский период распадается на две фазы: первую (XIII–XIV вв.) и вторую (XV–начало XVII в.) [Ligeti, 1971, p. 5]. Наиболее фактологически обоснованной нам представляется периодизация Н.Н.Поппе, так как только она согласуется с тем обстоятельством, что письменные памятники XIII–XIV вв. не обнаруживают между собой сколько-нибудь существенных лингвистических отличий, которые позволили бы без затруднений разнести их по двум отдельным этапам или фазам развития монгольского языка. На наш взгляд, все эти памятники отображают в сущности одну и ту же языковую систему, за которой имеет смысл сохранить традиционный термин «среднемонгольский язык».

[2] В отечественной литературе сочинение зачастую фигурирует под ошибочным названием «Сокровенное сказание», которое обязано своим появлением первым переводам ТИМ на русский язык. О причинах и истории распространения этого названия см. [Базарова, 1995].

[3] Здесь лексический бином *aqa de'ü* обозначает старших и младших *линейных* родственников мужа женщины в противоположность *коллатеральным*, обозначенным термином *üye qaya*.

[4] Можно полагать, что термином *aqa* обозначались не только параллельные, но и кросс-кузены по отцу; по крайней мере, особого термина для патрилатеральных кросс-кузенов в ср.-мо. не имелось. Впрочем, у нас нет и надежных контекстов, где с определенностью упоминалась бы эта категория родственников.

[5] Судя по всему, Бӯри-Бӧкӧ был значительно младше Йисӯгэй-ба'атура, отца Чингисхана и Бэлгӯтэя: в ТИМ он представлен как довольно молодой и сильный мужчина (отсюда его прозвище *bökö* 'борец'), который не гнушается лично участвовать в драке и без колебаний соглашается на борцовский поединок со своим двоюродным племянником Бэлгӯтэем, причем сказано, что он намного сильнее последнего.

[6] Сложное слово *aq-a ǰaq-a* встречается и в современных монгольских языках. Ср. халх. *ах зах* 'старший *(по возрасту или по должности)*; главный' [БАМРС II, с. 216]. Второй компонент данного слова – *ǰaq-a* буквально значит 'воротник'. Ср. халх. пословицу *хүн ахтай, дэл захтай* 'у шубы бывает ворот, у человека – старший', где идея старшинства выражена в социальном и вестиментарном коде [БАМРС II, с. 117].

[7] Также в значении 'побратимы' естественнее понимать именную группу *aya dū* в выражении *nim nikenlē aya dū bolbalar* [МА, с. 256] 'стали друг другу братьями'.

[8] Чаще всего в источниках титул *aqa* применяется к Ча'адаю – старшему среди потомков Чингисхана, выступавшему в роли своего рода «серого кардинала» при своем брате ка'ане Өгӧдэе (1229–1241). После смерти Ча'адая (ок. 1242) данный титул переходит к Бату-хану, о влиянии которого на принятие решений в Монгольской империи может свидетельствовать хотя бы тот факт, что именно ему монгольские царевичи-Чингисиды вверили определение кандидатуры преемника ка'ана Гӯйӯка (1246 г.) со следующей примечательной мотивировкой: "Бату – *aqa* для всех князей. Что бы он ни приказал, его слово закон. Мы согласимся с тем, что он укажет и посчитает нужным, и не будем от этого отказываться" [Boyle, 1958/2, p. 557–558].

[9] Оба типа противопоставлены друг другу в примере

(4) *jamuqa basa ügülerün temüjin anda to'oril-qan aqa qoyar-a ügüle* [ТИМ, § 106] 'Джамука также сказал: «Скажи *анде* Тэмӯджину и *аке* То'орил-хану»'.

[10] Слово *bo'ol* 'раб' здесь нужно понимать не в буквальном смысле, а как широкое и обобщенное обозначение социальной зависимости.

[11] Наличие у слова *aqa* потестарных коннотаций проявляется также в том факте, что в ряде контекстов оно недвусмысленно соотносится с 'верхом', который, в свою очередь, служил устойчивой метафорой для 'власти' (ср. эпитет верховного божества монголов *de'ere tenggeri* 'вышнее Небо', букв. 'Небо наверху', а также гонорифичное обозначение юаньского императора *degedüs*, букв. 'верхние' – форма *pluralis majestatis*). См., напр.:

(6) *sutu cinggis-qahan ecige bidan-u de'ere aqa-nar dōro de'ü-ner bo'etele…cimayi…songquju* [ТИМ, § 272] 'Наш отец, августейший Чингис-ка'ан, выбрал тебя… хотя выше [тебя] (букв. 'наверху') были *aqa*, а ниже [тебя] (букв. 'внизу') – *de'ü*'.

[12] О критерии наименьшей контекстуальной обусловленности для определения центрального (основного) значения слова подробнее см. [Медникова, 1974, с. 136–138].

[13] Для обозначения древнейших периодов в историческом развитии монгольского языка мы воспользовались терминами, предложенными Л.Лигети (см. [Лигети, 1955, с. 136]).

Список сокращений

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под общ. ред. акад. АН Монголии А.Лувсандэндэва и д. ф. н., проф. Ц.Цэдэндамба; Отв. ред. д.ф.н., проф. Г.Ц.Пюрбеев. М., 2001–2002. Т. 1–4.

ИММ – Арабско-монгольский словарь Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.) в издании П.М.Мелиоранского [Мелиоранский, 1904].

ИМП – Арабско-монгольский словарь Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.) в издании Н.Н.Поппе [Поппе, 1938, с. 432–451].

МА – Арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб» (XIV в.) [Поппе, 1938].

ТИМ – «Тайная история монголов» (сер. XIII в.) [Rachewiltz, 1972].

Bur – Монгольский перевод «Двенадцати деяний Будды» Чойджи Одсэра (20-е гг. XIV в.) [Ligeti, 1974].

FrTeh 2 – Фрагменты письма Абу Са'ид Бахадур-хана (1320 г.) [Ligeti, 1972a, p. 258–263].

Hin – Китайско-монгольская билингва в честь вана Хинду (1362 г.) [Ligeti, 1972a, p. 63–75].

HY – Китайско-монгольский словарь «Хуаи июй» (1389 г.) [Ligeti, 1972b, p. 135-163].

TMEN – Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1963–1975. Bd. 1–4.

Базарова, 1995 – *Базарова Б.З.* О русских переводах названия «Юань-чао ми-ши» // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. Новосибирск.

Бикбулатов, 1981 – *Бикбулатов Н.В.* Башкирская система родства. М.

Бикбулатов, 1983 – *Бикбулатов Н.В.* Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.

Владимирцов, 1989 – *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. М.

Калужиньски, 1972 – *Калужиньски С.* Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Улаанбаатар. Б. 1.

Лакофф, 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.

Лигети, 1955 – *Лигети Л.* [Рец. на]: Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков // ВЯ. № 5.

Лувсандэндэв, 1972 – *Лувсандэндэв А.* К вопросу о периодизации монгольского литературного языка // Хэл зохиол судлал. Б. 9, дэвт. 3.

Медникова, 1974 – *Медникова Э.М.* Значение слова и методы его описания. М.

Мелиоранский, 1904 – *Мелиоранский П.* Араб филолог о монгольском языке // Записки Вост. отд. Русского археологического общества. Т. 15, вып. 2/3.

Орловская, 1986 – *Орловская М.Н.* О периодизации истории развития монгольского письменного литературного языка // Mongolica: Памяти академика Б.Я.Владимирцова, 1884–1931. М.

Поппе, 1938 – *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.–Л. Ч. 1–3 (Тр. / Ин-т востоковедения АН СССР; Т. 14).

Ченки, 2002 – *Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.

Bacon, 1958 – *Bacon E.E.* Obok: A Study of Social Structure in Eurasia. N. Y.

Boyle, 1958 – *'Ala-ad-din 'Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A.Boyle. Manchester. Vol. 1–2.

Cleaves, 1963 – *Cleaves F.W. Aqa Minu* // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1962–1963. Vol. 24.

Etymological Dictionary, 2003 – Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S.Starostin, A.Dybo, O.Mudrak; With assistance of I.Gruntov and V.Glumov. Leiden–Boston. Vol. 1–3. (Handbuch der Orientalistik. Abt. 8: Zentralasien; Bd. 8).

Lakoff, Johnson, 1980 – *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago.

Ligeti, 1971 – *Ligeti L.* Histoire secrète des Mongols. Budapest. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 1).

Ligeti, 1972a – *Ligeti L.* Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 2).

Ligeti, 1972b – *Ligeti L.* Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 3).

Ligeti, 1974 – *Ligeti L.* Les douze actes du Bouddha: Arban qoyar ǰoki-yangyui üiles de Čhos-kyi 'od-zer. Traduction de Šes-rab seṅ-ge. Budapest. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 5).

Pelliot, Hambis, 1951 – Histoire des campagnes de Gengis-khan, *Cheng-wou ts'in-tcheng lou* / Traduit et annoté par P.Pelliot et L.Hambis. Leiden. T. 1.

Poppe, 1955 – *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki. (Mémoires de la Socété Finno-Ougrienne; 110).

Poppe, 1974 – *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden. (Porta Linguarum Orientalium: Neue Serie; Bd. 1).

Rachewiltz, 1972 – *Rachewiltz I. de.* Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington. (Indiana University publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 121).

А. А. Бурыкин, В. А. Попов

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ОБСУЖДЕНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ НОСТРАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА И СВОЙСТВА

В процессе обсуждения лингвистической реконструкции терминологии родства и системы терминов родства на ностратическом уровне выявились, по крайней мере, две проблемы.

Во-первых, это проблема собственно лингвистических реконструкций, ориентированных на формальную сторону архетипа и его «первичную» семантику (первичную как в плане опыта реконструкции, так и в отношении «чернового» характера самой реконструкции). В самом деле, разве нынешняя индоевропеистика выглядит так же, как во времена Ф.Боппа и А.Шлейхера, и кто возьмется судить о том, что с ней станет через 150 лет? Реконструкции, различающиеся по своему стадиальному уровню от групповых до собственно ностратической или ареальных субностратических – западноностратической и восточноностратической, неизбежно различаются и по объему привлекаемого материала и по степени дискуссионности результатов.

Во-вторых, это проблема семантической реконструкции в том плане, что такая реконструкция имеет характер уже не столько языковой, сколько социокультурной, и если лингвист-компаративист в своей работе должен удержаться в сфере какой-то языковой реальности (здесь требования задают, прежде всего, типологическая адекватность и методологическая корректность реконструкции), то при выходе в сферу исторической этнографии или этносоциологии (социальной антропологии) исследователь обязан придерживаться ориентации на какую-либо этнографическую (историко-культурную) или социальную реальность.

Обсуждаемая здесь статья А.В.Дыбо и С.В.Кулланды «Ностратическая терминология родства и свойства» [Наст. изд., с. 5–31] заслуживает внимания уже потому, что в ней серьезность лингвистического анализа сочетается с попыткой учесть достижения этнографии и социальной/культурной антропологии, а также социальной истории.